

Русский язык и культура речи: прошлое, настоящее, будущее: Материалы межвузовской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 30 ноября 2007 года / Под общ. ред. А.Б. Трофимова. - СПб.: Невский институт экспертологии, управления и дизайна, 2008. - 144 с.

Материалы научно-практической конференции «Русский язык и культура речи: прошлое, настоящее, будущее» охватывают широкий спектр существующих проблем, среди которых можно выделить следующие: русский язык и коммуникативная культура; методические аспекты преподавания русского языка и культуры речи; русская речь: современное состояние и тенденции развития; язык и культура: методологический и исследовательские аспекты; теоретические основы современных учебно-методических комплексов; формирование толерантной личности в поликультурном пространстве; языковая ситуация в современной России: лингвистические и социокультурные условия функционирования, динамика, тенденции и прогнозы; русский язык и речевой этикет в пространстве СМИ, рекламы, Интернета; языковая политика и культура речи; эволюция русской языковой картины мира в аспекте культуры речи.

Материалы конференции могут быть использованы в образовательном процессе в высших учебных заведениях при изучении дисциплины «Русский язык и культура речи».

<i>Смирнов В.С.</i> О ГЛУБИННЫХ ИСТОКАХ ПРОИСХОЖДЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА.....	5
<i>Димура И.И.</i> МЕТАФОРА МУСОРА КАК ПОТЕНЦИАЛ ИЗМЕНЕНИЙ....	16
<i>Фещенко Л.Г.</i> МОДУЛЬНАЯ СТРУКТУРА РЕКЛАМОВЕДЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ.....	30
<i>Дмитриева О.Л.</i> ИСТОРИЯ РУССКИХ ЛИЧНЫХ ИМЕН.....	42
<i>Краснова Т.И.</i> К ВОПРОСУ О СТРУКТУРАХ ЗНАНИЯ И МНЕНИЯ В ЭМИГРАНТСКОМ ГАЗЕТНОМ ДИСКУРСЕ ЭПОХИ КРИЗИСА.....	51
<i>Горбунова Т.И.</i> РУССКИЙ ЯЗЫК В ГЕРМАНИИ.....	70
<i>Корнева Е.В.</i> ФОЛЬКЛОР КАК ИСТОЧНИК ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ МЕДИАТЕКСТОВ).....	76
<i>Князева Е.В.</i> ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА ИНЖЕНЕРНО-ГРАФИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН.....	89
<i>Лобода В.В.</i> ГРАНИЦЫ СВОБОДЫ В ОТНОШЕНИЯХ ПОКОЛЕНИЙ.....	92

форма Тима. Прижились и некоторые другие новые удачно составленные имена - Владлен, Владилена, Нинель, Марлен.

В шестидесятые годы - эпоху «физиков и лириков» родились имена - Вольт, Микрон, Электрон, Эфира, и овеянные романтикой - Греза, Лира Тайгина, Чара, Даль, Дирина. В 70-е годы стало чрезвычайно популярно имя Андже́ла в честь американской коммунистки Анджели Дэвис, а совсем недавно возник интерес к древнему греческому имени Олимпиада. Стали появляться и двойные имена Анна-Мария, Александр-Евгений.

Итак, в настоящее время в системе современных русских имен можно выделить несколько пластов:

1. Старые христианские имена, пришедшие на Русь с принятием христианства. Это имена, разные по происхождению: латинские, греческие, древнееврейские, арабские. Они и составляют основу современных русских имен.

2. Имена старорусские и славянские (общеславянские или бытовавшие и бытующие в одной или двух группах славянских языков).

3. Новые имена, появившиеся после Октябрьской революции.

4. Имена, заимствованные из европейских языков (главным образом после Октябрьской революции).

Эти пласты отражают историю современных русских и ход войны, которая велась за утверждение одних, вытеснение других и изобретение совсем новых. На именослов влияло многое - религия, политика, мода. Эта тенденция сохранится, и, хочется надеяться, что в будущем жители России будут носить красивые и звучные имена, а их выбор будет осмыслен и широк.

Литература:

1. Забелин Н. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. - Новосибирск: Наука, 1992.

2. Гиляревский Р.С. Старостин Б.А. Иностранные имена и названия в русском тексте. Справочник. - М.: Высшая школа, 1985.

3. Сиятельные жены. Биографии и родословные статс-дам и фрейлин русского двора. - СПб.: Издательство им. Б.А.Суворова.

4. Петровский И.Я. О русских именах. - Л.: Лениздат, 1978.

5. Петровский И.Я. Словарь русских личных имен. - М., 1966.

6. Успенский Л. Слово о словах. Ты и твое имя. - Л., 1962.

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРАХ ЗНАНИЯ И МНЕНИЯ В ЭМИГРАНТСКОМ ГАЗЕТНОМ ДИСКУРСЕ ЭПОХИ КРИЗИСА

Т. И. Краснова

Невский институт экспертологии, управления и дизайна

Традиционно категорию знания связывают с научной речью во всем ее многообразии, а категорию мнения считают главной категорией публицистической речи (мнение иногда рассматривают как субъективное знание). Между тем лингвистика определенно рассматривает знание и мнение с когнитивной точки зрения как общие для естественного языка онтологические понятия, единые для системы человеческого мышления в любых его проявлениях и на разных языковых уровнях (в значении слова и предложения, в композиционно-речевых формах и функциональных разновидностях языка, в целом тексте и определенном дискурсе).

Со времен Платона существует тенденция к разграничению знания и мнения. Знанию присущи такие характеристики, как умопостигаемость, истинность, верифицируемость, в то время как мнение ими не обладает, то есть не удовлетворяет критериям знания [1]. С внешним миром традиционно связывают знания, а мнение соотносится с внутренним миром человека (в соответствии с этим членением Ф. де Соссюр разграничивал внешнюю и внутреннюю лингвистику).

Современная лингвистика, переживающая после структурализма новый этап гуманизации, психологизировала понятия знания и мнения [2], ввела в рассмотрение субъекта (их носителя), и обратила внимание на структуры представления различных типов знания: объективного и субъективного, общеизвестного и персонализированного, чужого и собственно-авторского, научного и обыденного, старого и нового, концептуального и неконцептуального (вспомогательного), фонового знания, гипотетического и др. Современное представление о типах знаний связано, в частности, с изучением структуры лексического и грамматического значений, с интегральным и культурологическим подходом к их анализу (Апресян, Бондарко, Вежбицкая, Караулов, Селиверстова, Стернин и др.). Немалый вклад в изучение языковых категорий знания и мнения

внесли семантическая теория предложения, теория пресуппозиции, теория оценки, логический анализ языка. Этому же способствовали расширение представлений о категориях субъективности и модальности, развитие наряду с категорией «оценки» семантических категорий «событие», «факт», а также категорий ментального анализа «концепт», «фрейм» (Минский, Ван-Дейк, Булыгина и Шмелев, Падучева, Демьянков, Степанов, Колесов, Фрумкина и др.). Особенное внимание уделяется изучению аксиологической стороны познавательной деятельности (Ивин, Вольф, Арутюнова, Данилевская). Ученые приходят к выводу, что знания имеют субъект-объектную природу; по своему происхождению обыденное и даже научное знание, как и мнение, всегда субъективно и оценочно, «поскольку проявляется как индивидуальное отражение чувственно воспринимаемых фрагментов действительности» [3].

Не теряет своей актуальности разработка проблем соотношения языка и сознания [4-7], способов репрезентации знаний на ментальном и языковом уровнях (Выготский, Лурья, Леонтьев, Жинкин, Лакофф, Коллинз, Мур, Матурана). Широко известными стали работы Хайдеггера, Гадамера и других ученых, отмечавших зависимость мышления говорящего от ситуации, внутри которой он находится, от каждодневной практики и дорефлексивного опыта человека [8]. Окружающий мир, мир знаний не может быть жестко отграничен от человека, поскольку этот мир структурирован посредством целей, обстоятельств общения и намерений человека. Мир и человек взаимодействуют, а результатом является языковая картина мира, в которой знание прорастает мнением. В соответствии с условиями и целями коммуникации эта картина приобретает качество «концептуальной картины мира».

Важным фактором в передаче и актуализации знания и мнения является фактор адресата. Ряд исследователей утверждают, что основная функция языка заключается не только в передаче информации и осуществлении референции, но и в *ориентации адресата в его собственной когнитивной области*. Парадоксальным по своей непривычности, но и прозорливым одновременно, является утверждение У. Матураны, что основной функцией языка как «системы ориентирующего поведения» является *коннотация*, а не денотация, к которой мы так давно привыкли [7]. Учитывая роль читателя в понимании текста, отметим достижения

психолингвистики в построении теории речемыслительной деятельности [9, 10]. Согласно теории А. Пейвио, «система ментальных репрезентаций находится в состоянии покоя и не функционирует до тех пор, пока какие-либо стимулы извне не активизируют ее»... Активизация их в сознании читателя может происходить, по Пейвио, на разных уровнях обработки сигналов, и в частности, на ассоциативном. С другой стороны, важно знать, какие именно типы значений активизируются в тех или иных случаях и какие структуры сознания (от единичных репрезентаций до таких объединений, как фреймы, схемы, сценарии и т. п.) они вовлекают [10].

Задача нашего описания ограничена лишь представлением разных структур знания и мнения в составе эмигрантских газет (ЭГ) эпохи послереволюционного кризиса в России. Мы бы хотели показать, что такие структуры существуют на разных уровнях языка и текста в их взаимодействии в политическом дискурсе эпохи. При этом важно учитывать следующее обстоятельство. Носитель идеи нередко старается выразить свое мнение по отношению к существующим фактам как знание. В то же время в прагматике речи демонстрируется скорее противопоставление знания и мнения, а их замещение, наоборот, не афишируется. Ср. в диалоге: - Знаешь, Сергей опять собирается жениться / - Ты так думаешь? / - *Я не думаю. Я знаю.*

Действительно, с языковым знанием связано утверждение фактивности сообщаемого. Оно открыто выражается: 1) предикатом знания и 2) демонстративным выражением уверенности. Хотя, по мысли У. Матураны, знание может быть *объективным*, то есть может быть передано другому, и существует *знание как переживание*, то есть «нечто личностное и частное, что не может быть передано другому» [11]. С точки зрения психолога (С. Л. Рубинштейн), фундаментальная функция личности как носителя сознания проявляется в его способности вырабатывать отношение к миру и занимать определенную позицию [12]. Оценка и отношение находятся в природе сознания и познания как целенаправленной деятельности. Причем это *ценностное отношение*, которое не всегда осознается и не всегда находит выражение в особом высказывании [13]. Отношение на базе оценки определяет смысл речи и возможное влияние его на собеседника (побудить к действию, изменить взгляд

на вещи). Образование смысла, придание субъективного значения чему-либо, относится к важнейшим функциям личности. Хотя сознание языковой личности есть «частный случай социального опыта» [14], а на арене общественной деятельности выступают личности общественно-групповые, в том числе условные. К ним относится коллективное лицо газеты как идеологического субъекта речи и агенса субъективно-объективных оценок происходящего. Именно поэтому определяющей категорией описания в политическом дискурсе газеты выступает категория идеологического субъекта (ИС), языковое сознание которого отражает существующие стереотипы оценочного мышления и воздействия на читателя в эпоху кризиса.

Исследования в области аксиологии научного текста подтвердили гипотезу об отсутствии нейтрального (внеоценочного) изложения в научной коммуникации. Нет сомнения в том, что оценочными по своей природе являются также текстообразующая и смыслостроительная функции знания и мнения в газетно-публицистической речи. В эмигрантском сознании эпохи кризиса доминировало семантическое поле отрицания, неприятия происходящего в России или (по необходимости) в стране пребывания эмигрантов. Характер и степень неприятия определялись системой ценностей, поведенческих и коммуникативных норм в среде эмиграции. Под языковым сознанием обобщенного ИС газеты мы понимаем активное, прежде всего, вербальное отражение картины мира внешнего через посредство мира внутреннего. Учтем еще два обстоятельства. По существующим в современной лингвистике представлениям, 1) мышление в процессе массовой коммуникации представляет собой манипулирование целыми структурами представления знаний; 2) структуры знания рассматриваются в единстве с эмоциями, чувствами и мотивацией участников общения. Другими словами, они включают элементы мнения. Перейдем к предмету наблюдений.

1. **Лексико-семантический уровень.** Главным объектом наблюдений явились отдельные слова и словосочетания с их составом когнитивных и прагматических значений, содержащих элементы знания и оценки.

В газетах антибольшевистского направления нередки наименования, обозначающие большевиков как враждебных лиц:

наильники, убийцы, предатель и т. п. Это слова-прагмемы, в лексическом значении которых, по выражению М. Н. Эпштейна, совмещены оба компонента суждения: «предмет» - явление, обозначенное словом, и «предикат» - выраженная тем же словом отрицательная оценка. Такова языковая точка зрения. По данным словаря (МАС), в составе значений указанных выше слов можно выделить два компонента: элемент объективного знания + элемент социально обусловленного общего мнения. Сравните:

наильник - *тот, кто применяет физическую силу принудительно* (значение когнитивное, или знание, сочетается с отрицательной оценкой, подразумевающей мнение = Это плохо \ это недопустимо);

убийца - *человек, совершивший убийство* (когнитивное значение, или знание); - *преступник* (согласно словарю, это *тот, кто совершил преступление*, то есть вещь недопустимую: отрицательная оценка подразумевает общественное мнение);

предатель - *тот, кто предал* (когнитивное значение, или знание); *изменник* (согласно словарю, это *человек опасный*: отрицательная оценка подразумевает общественное мнение).

По данным Эпштейна [15], прагмемы разной оценки составляют около 1/5 словарного состава языка. В публицистическом тексте ЭГ слова-прагмемы, то есть свернутые суждения, покрывают немалые пространства и обладают особой силой воздействия. Не случайно автор помещает их обычно в коммуникативный центр высказывания (см. примеры ниже).

Часть лексики в ЭГ составляют прагмемы, включающие в свою семантику не только актуальный в эпоху кризиса мотив насилия и его отрицательную оценку, но и позитивный эмоциональный компонент - сострадание говорящего к жертве насилия. Ср.: *беженцы, эмигранты, гибель, пасть жертвой, замучить, быть на исходе, умереть*. Используя прагмемы двойственной оценки, языковой субъект как бы «расслаивается», а в тексте происходит наведение сем второго порядка.

На уровне словосочетания обозначение объекта действительности и его оценка выражаются в открытой форме, в составе грамматического единства, например - атрибутивным сочетанием лексических единиц. Возьмем для примера сочетание слов: *акт мести* и *непоправимые последствия*. Как видно,

субстантивы в изолированном виде (*акт, последствия*) не являются прагмемами. Они представляют собой лишь объектные наименования (структуры знания), которые не обладают ярко выраженным свойством развертываться в суждения. Такое свойство приобретает ими в атрибутивном словосочетании. Воспользуемся языковым преобразованием и превратим наименование в предикативное сочетание (смысл развернется, но не изменится). Объекту знания *акт* может быть сопоставлен предикат мнения и оценки *является местью* = Данный акт является местью \ Этим он метит.

В случае, когда опорное слово уже обладает сложной структурой (прагмема), атрибутивный компонент увеличивает экспрессию в сторону нарастания неприятия с дополнительными смысловыми добавками. Например, слово *лишение* уже содержит отрицательную оценку, но в словосочетании *несправедливое лишение* добавляется коннотация осуждения. Общее мнение присутствует в наименовании *несправедливое лишение* в скрытом виде, так как выражение легко разворачивается в суждение с дейксисом *такой, этот*. Ср.: *Я считаю (думаю, полагаю), что это несправедливое лишение.*

Итак, существует языковой уровень выражения общего мнения в готовых наименованиях, существующих в системе языка. Что происходит с этими наименованиями в конкретной речи? Здесь языковое знание и мнение, представляющее вместе предмет внешнего мира и его социальную оценку, актуализируется говорящим в контексте прагматической ситуации. Отобранные ИС номинативные единицы - слова-прагмемы и атрибутивные словосочетания, выражают его конкретное мнение. Самый выбор наименований подразумевает затекстовую операцию выбора, которая производится на базе скрытой, контекстной оценки (Данилевская, с. 139). Это особый тип оценки, которой предшествует коммуникативное мнение говорящего, нацеленного в своей речевой политике на определенный эффект воздействия. Если рассматривать такую оценку на уровне подтекста как факт осужденного автором (и редакцией) рационального выбора, то она производилась на основе мнения идеологического субъекта газеты.

2. **Уровень предложения и сверхфразового единства.** Здесь мы имеем дело не только с актуализацией оценочных наименований

(особенно в области предиката), но и с общей модальностью констатации, которая сопутствует утверждению фактов. Вместе с тем такое утверждение строится на базе скрытой оценки, то есть является результатом затекстового коммуникативного мнения идеологического субъекта.

Если воспользоваться методом актуального членения предложения, то структуры знания соответствуют теме (Т), или семантическому подлежащему, в то время как сказуемое (R) представляет собой оценочный компонент суждения, открыто выраженное мнение говорящего. Текстовые знание и мнение на уровне предложения образуют темарематическое единство. Сравните:

(1) В штате Коннектикут (Т = знание) *назревают забастовки* (R = мнение). (2) Хозяева фабрик и заводов (Т = знание) *стали выбрасывать рабочих* (R = мнение), а некоторых переводят на другую работу и уменьшают заработную плату (Т-R = знание). (3) Это (Т = знание) *слишком чувствительно отражается на благосостоянии рабочих в особенности семейных, и начинает приводить их в сознание* (R = мнение).

Заметим, что в (2) нейтрально-объективная часть сообщаемого (Т-R) в составе сложного предложения остается в структуре знания, которое затем в (3) становится поводом для выражения мнения.

В сверхфразовом единстве, как и на уровне предложения, знание и мнение сочетаются в режиме дополнительности. Кроме того, тематическое единство, которое подается идеологическим субъектом как знание, может содержать структуры мнения в контексте прагматической ситуации: То, что рабочих переводят на другую работу и уменьшают заработную плату, = плохо. Главный фокус сообщаемого находится в ремах (R) высказываний: подразумевается идеологическое мнение с отрицательной оценкой. В тексте нарастает единство чередующихся текстовых структур знания \ мнения, и факты интерпретируются читателем в нужном ИС ключе. Сравните продолжение текста:

Масса чувствует несправедливость (знание), но она не организована и представляет сырой материал (мнение). В гор. Сыморе уже вышли на забастовку 600-700 человек из «Бросс Мишл» (знание). Но нет у них опытного руководителя, который *соорганизовал бы их в один Большой Союз - иначе стачки могут*

Быть проиграны (мнение). (Голос труженика. Чикаго, 1919, 14 июня).

Очевидно, что для новостной информации нужен такой баланс структур знания и мнения, чтобы сообщение не превращалось в субъективно-оценочный комментарий. Однако в идеологических дискурсах пробольшевистской печати преобладание комментария в новостях было оценочным стандартом изложения. Предикативные структуры мнения приобретали статус элементов нового знания на основании неявной, контекстной оценки как факте идеологического выбора.

3. Уровень газетного политического дискурса. Здесь структуры знания и мнения не только чередуются в режиме дополнительности и смысловой градации. На протяженном пространстве газеты они, к тому же, развертываются по определенной и узнаваемой читателем схеме, облегчающей интерпретацию сообщаемого. Такой ход приводит к обоснованию повторяющегося логического вывода, а мнение приобретает статус важного знания в форме объективированного итога.

На уровне эмигрантского газетного дискурса мы встречаемся со стереотипами структур знания, которые давно существуют в восприятии русского читателя в виде *моделей* (фреймов, сценариев). Компоненты этих моделей актуализируются как хорошо знакомые и ожидаемые элементы мифологических (в том числе религиозных) представлений, имеющих свой «архетип». По традиции (вслед за Р. Бартом), миф определяется как сообщение, или коммуникативная система, наделенная этнокультурным кодом. Миф понимают как «особое состояние сознания, специфическую мыслительную парадигму, продуцирующую систему представлений индивида» [16].

Если говорить о стереотипах сознания, которые проявились в дискурсе ЭГ независимо от их направлений, то решающую роль здесь играли основополагающие «общечеловеческие архетипы» и культурное поле коммуникации, в основе которого была шкала ценностей и некий культурный канон национального сознания. Его можно представить в виде ментальных оппозиций разной степени обобщения: *жизнь - смерть, здоровье - нездоровье, норма - антинорма, добро - зло, насилие - ненасилие* и др. Многие из таких оппозиций социального характера включаются в известный со времен Средневековья архетип противопоставления *мир / антимир*

[17], который подразумевает амбивалентность, перевернутость. В психологическом смысле амбивалентность проявляется как двойственность переживания человека, когда один объект (знание) вызывает у него одновременно два противоположных чувства. Таким, например, было отношение большинства эмигрантов к Советской России - враждебное и, одновременно, любовное - к Родине. Вообще, мысль об амбивалентности существования той или иной человеческой ценности, о биполярности проявления того или иного качества (умный - глупый, светлый - темный, новый - старый) приводит к мысли о необходимости учитывать актуализацию в эпоху кризиса таких ценностных ориентиров. По мысли В. В. Колесова, «амбивалентность каждой черты определяет возможность выбора и оценки - и в этом, видимо, состоит основная добродетель свободного человека: выбрать правильный путь и судить по справедливости» [18].

Мы рассмотрим структуры знания и мнения в политическом дискурсе ЭГ, опираясь на поиск объективных форм лингвистического анализа, способного охватить значительный массив материала. Данный подход привел нас к методологии структурального изучения текстов на основе семиопозитики. С одной стороны, такая методология соответствует прикладной задаче - изучить структуру знания и мнения, структуру представлений идеологического субъекта о действительности в эмигрантской печати, с другой - она противостоит «формальному анализу разрозненных приемов» [19], которого хотелось бы избежать. Основанием для сравнения и анализа разного газетного материала можно считать общий для него проблемно-критический характер. Он вызван противоречивостью действительности и - в сознании ИС - ее познавательно-оценочным, целеполагающим в тексте отражением.

На парадигматическом уровне анализа методом сплошной выборки из текстов была извлечена актуализированная в коммуникативном отношении лексика. В предикативной функции она входит в состав основы предложения, а в полупредикативной функции распространяет в качестве атрибута или объекта подлежащее и сказуемое. Изучаемый материал показал, что в указанный исторический период в составе эмигрантских текстов наиболее активизированы два вида оппозиций - элементов типичной референт-ситуации: НАСИЛИЕ / НЕНАСИЛИЕ и АНТИНОРМА / НОРМА.

Большую разработку в текстах получает негативное поле семантики, в то время как позитивное присутствует либо в виде ассоциированных мотивов, либо зачастую лишь мыслится (НОРМА). Заметим также, что оппозиция НАСИЛИЕ / НЕНАСИЛИЕ вторична и входит как частная в состав оппозиции АНТИНОРМА / НОРМА. Она выделяется как первая по причине усиленной прагматической актуализации в политизированных текстах эмигрантской печати.

Ментальная семантико-речевая оппозиция насилие-ненасилие. Выделяется группа лексики с актуализированной семантикой отрицания, включающая в макрокомпоненты своих значений семы «прекращения существования», «лишения», «противодействия», «осуждения» и т. п.

В массиве политизированных текстов такая лексика не только распространена, но входит в референциальную идеографическую парадигму с соотношением **конфликт - насилие - гибель**, то есть в структуры знания. По форме это большей частью субъектно-объектные наименования с грамматическим значением предметно-качественной определенности и глагольные наименования со значением результативности. Сравни слова, выражающие знание а) как ситуативную семантику конфликта: *нигилист, подстрекатель, предатель, хулиган; подлость, ненависть, проклятие, месть, война; свести счеты* и т. п.; б) как ситуативную семантику насилия: *грабитель, разбойник; беженцы, эмигранты; захват, разгон, разгром, преступление, зверство, террор, переворот, революция, штыкокрапия; принудить, пасть жертвой* и т. п.; в) как ситуативную семантику гибели: *убийца, палач; гибель, убийство, казнь, конец; разрушить, замучить, убить, быть на исходе, умереть, стать могилкой* и т. п.

В речевой структуре на референциальную идеографическую парадигму конфликт - насилие - гибель накладывается модальная идеографическая парадигма **неприятие - сострадание - обвинение**, которая связана со структурой мнения ИС газеты. Модус неприятия сообщаемого, один из самых распространенных в речи вообще, выражается либо имплицитно (интонация, кавычки), либо эксплицитно: с помощью перформативов *протестую, не согласен, не хочу чтобы...*, с помощью глаголов *замучить, свести счеты* и т. п., субстантивами *хулиган, подстрекатель*, атрибутивами *неверный (шаг), несправедливо* и т. п. Модус обвинения выражается прямым

или косвенным указанием на виновных. Рассмотрим несколько текстов.

1. После *обыска*, которому он [Г. В. Плеханов - Т. К.] *подвергся* в Царском Селе сейчас же после *большевистского переворота*, он *принужден* был оставить Россию и *искать спасения* в одном из санаториумов вблизи Териоки. Он *умер* там 30 мая, *нав жертвой* деятельности белогвардейцев, германцев и большевиков (Народная газета, Нью-Йорк, 1918, 13 июня).

Референциальная парадигма знания «конфликт - насилие - гибель» представлена в тексте а) предметно-оценочными словами с семантикой насилия (*обыск, большевистский переворот*) и б) предикатами двойственной оценки, которые наряду с семантикой насилия (*подвергся, принужден*) включают в текст модус сострадания (*искать спасения, умер, нав жертвой*). Мотивы конфликта и неприятия присутствуют имплицитно, так как речь идет о насилии и сострадании, а семантика гибели открыто, наряду с мотивом сострадания и косвенным выражением обвинения.

Совокупная модель ситуации:

(конфликт) → насилие → гибель

↓
(неприятие)----→ сострадание ----→ обвинение

Таким образом, в соответствии с ментальной семантико-речевой оппозицией **насилие - ненасилие** в структуре текста происходит частичное наложение разных идеографических парадигм - референциальной (знания) и модальной (мнения). Это возможно благодаря прагмемам двойственной оценки и в целом по причине ассоциированности лексической семантики в комплексе данной прагматической ситуации.

2. Дэбс *заступается* за эсэров (По просьбе В. Чернова он обратился с *протестом* к Н. Ленину).

Чикаго, 27 июля. Престарелый **вождь американских социалистов Юджин Дэбс**, находящийся в местном санаториуме, отправил в Москву на имя Н. Ленина **каблограму** следующего содержания:

«Ленин, Москва. Вместе со всеми цивилизованными людьми и во имя общего человеколюбия я *протестую против казни* кого-либо

из социалистов-революционеров или *несправедливого лишения* их свободы. Советская Россия может явить пример *отказом* следовать методам мирового царизма. Она должна высоко держать знамя, которое мы стремимся водрузить, и которое мы почитаем» (Юджин Дэбс).

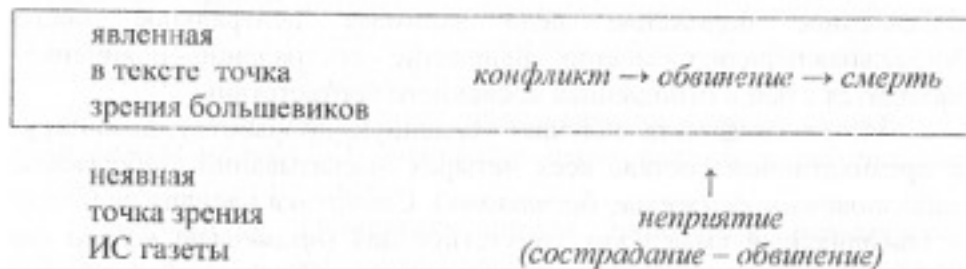
Протест Дэбса явился ответом на каблогранму, полученную им из Берлина от группы эсэров, возглавляемых В. Черновым. Каблогранма эта гласила: «Дело 22-х русских эсэров близится к концу. Всем грозит смерть. Большевики желают совершить акт мести. Просим возвысить голос американских социалистов сообща с протестом европейских социалистов. Телеграфируйте в Москву. Положение *серьезно* и малейшее промедление повлечет за собою *непоправимые последствия*» (Новое русское слово, Нью-Йорк, 1922, 28 июля).

Референциальная идеографическая парадигма представлена в тексте эксплицитно: словами с семантикой конфликта - *протест, несправедливый, отказ*; словами с семантикой насилия - *несправедливое лишение, акт мести*; словами с семантикой гибели - *казнь, конец, смерть, непоправимые последствия*. Модальная идеографическая парадигма, накладываясь на слой первичной семантики, образует композиционно-смысловые скрепы. Модус неприятия передается повторами слова *протест*: от лица Дэбса (перформатив), от лица эсэров и с объективированной точки зрения (в орудийном значении с *протестом европейских социалистов*). Модус сострадания также повторяется и связан с субъектным расслоением актов речи: от лица автора в ремарках - *Дэбс заступает за эсэров, престарелый вождь, находящийся в местном санаториуме, по просьбе В. Чернова*, от лица Дэбса - *во имя общего человеколюбия*, от лица эсэров - *просим возвысить голос американских социалистов*. Модус обвинения эксплицирован от лица эсэров - *всем грозит смерть, Большевики желают совершить акт мести*, но имплицитно содержится и в речи Дэбса.

Конфигурация указанной выше модели варьирует в зависимости от точек зрения, которые могут быть выражены в текстах с разной степенью определенности. Сравните информацию с места события, где преобладают структуры знания и отраженные (через чужую речь) структуры мнения, выступающие в статусе знания:

3. Между лицами, *расстрелянными* в последние дни в Петрограде, фигурируют девять журналистов, редакторов или сотрудников «буржуазных» газет. Они *осуждены*, согласно официальному сообщению, за то, что «возбуждали своими писаниями население *против* советского правительства» (Общее дело, Париж, 1918, 12 окт.).

Модель ситуации в составе новости отражает две точки зрения - явную и неявную:

Модель демонстрирует внутритекстовую точку зрения большевиков и относящуюся к ней как внешняя объективированную точку зрения ИС газеты. Мотив конфликта обозначен в составе цитируемого обвинения: «возбуждали своими писаниями население *против* советского правительства». Семантика насилия и гибели содержится в строке сообщения о жертвах расстрела. Поставленная в кавычки и, таким образом, отчуждаемая идеологема «буржуазные» свидетельствует об отстраненной точке зрения, принадлежащей ИС газеты. Однако сопутствующая новости отстраненность не мешает читателю понять оценку факта сообщения (скрытое мнение). Модус неприятия присутствует в тексте имплицитно: передается идеологией издания в целом и фактом предъявления враждебных читателю мотивов террора, в частности.

Обратимся к другим вариантам модели. Ее вариативность связана с идеологией издания и конкретной направленностью публикаций в прагматике момента. Рассмотрим пример из пробольшевистской газеты «Голос труженика». Здесь актуализирован другой конечный элемент референциальной парадигмы: «конфликт - насилие - болезненное состояние (положение дел)». Имеются в виду трудности, связанные с положением русских рабочих в Америке в период гражданской

войны в России.

4. В Монтевидео, Уругвай, происходят забастовки, в особенности в транспортной индустрии. Правительство применяет войска для подавления забастовочного движения. Виновниками забастовок считают русских агитаторов, проявляющих усиленную деятельность в последнее время. Правители не могут понять, что высокие цены на продукты вынуждают рабочих бастовать (Голос труженика, Чикаго, 1919, 4 января).

Референциальная парадигма знания «конфликт - насилие - болезненное положение дел» занимает центральное место. Модальная парадигма мнения «неприятие - сострадание - обвинение» находится с ней в отношениях косвенного соответствия.

Мотив конфликта получает усиленную проработку, доминируя в предикативном составе всех четырех высказываний (забастовки, забастовочное движение, бастовать). Семантика насилия включена в конфликтный смысл как сопутствующая (применяет войска для подавления забастовочного движения). Смысл «болезненное положение дел» косвенно присутствует в трактовке ситуации, когда ощущается безвыходность положения: Правители не могут понять, что... Болезненное ощущение безнадежности должно вызывать у читателя протест, что и планировалось ИС газеты.

Модальная парадигма неприятие - сострадание - обвинение отражает активную позицию ИС, но выступает внешней по отношению к внутритекстовой ситуации. Модус неприятия выражается имплицитно - в смысловом нагнетании отрицательных фактов и мотивировкой происходящего (виновниками забастовок считают русских агитаторов, проявляющих усиленную деятельность в последнее время). Модус сострадания с семантикой обвинения ассоциативно привносится в текст указанием: Правители не могут понять, что высокие цены на продукты вынуждают рабочих бастовать. Следующий далее текст использовался выше. Здесь мы анализируем его в другом ракурсе и целиком.

5. В штате Коннектикут назревают забастовки. Хозяева фабрик и заводов стали выбрасывать рабочих, а некоторых переводят на другую работу и уменьшают заработную плату. Это слишком чувствительно отражается на благосостоянии рабочих, а в особенности семейных, и начинает приводить их в сознание.

Масса чувствует несправедливость, но она не организована и

представляет сырой материал. В гор. Сьморе уже вышли на забастовку 600-700 человек из «Бросс Милл». Но нет у них опытного руководителя, который соорганизовал бы их в один Большой Союз - иначе стачки могут быть проиграны ... (Голос труженика, Чикаго, 1919, 14 июня).

Смысл «болезненное состояние (положение дел)» получает психологически акцентированное выражение (это слишком чувствительно отражается на..., масса чувствует несправедливость). Ситуация вызывает сострадание (рабочие семейные). Смыслы неприятие и обвинение сопровождают референт-ситуацию насилия благодаря словам-прагмемам: Хозяева фабрик и заводов стали выбрасывать рабочих... Семантика обвинения неоднородна, ей сопутствуют прагматически разные смыслы: 1) обвиняются хозяева, 2) обвиняется передовая часть рабочих, не сумевших «организоваться».

Ментальная семантико-речевая оппозиция антинорма-норма. В группе актуализированной лексики с прагматической семантикой отрицания как отклонения от нормы действует вертикальная шкала отношений. Уровень нормы - представление о должном положении в действительности, обычно присутствует в тексте умозрительно, как фон негативной информации.

Выделяется незначительная часть лексики с семантикой рациональной оценки и констатации того факта, что явление находится за порогом нормы: ненормальный, неуместный, непонятный. Подавляющая часть лексики состоит из слов эмоциональной оценки с ассоциированной семантикой, включающей неприятие, иронию, осуждение. По форме это нередко атрибутивная или субстантивная лексика, имеющая в тексте полупредикативное значение.

В отношении к уровню нормативных представлений лексика с семантикой антинормы распадается на две группы.

1) Лексика, фиксирующая степень превышения нормы по количественному признаку: тяжелый, бесконечный, нестерпимый, маниакальный, фантастический; загадка, сфинкс и т. п.

2) Лексика, фиксирующая характер (реже степень) понижения нормы по качественному признаку. Сюда относятся, например, слова, мотивированные социальным понятием «низы»:

деклассированные массы, низшее существо, дно. Однако основную массу этой группы лексики составляют: а) лексика, ассоциированная по семе «болезнь» (физическая и психическая): *старый, сухой, страшный; неленый, бессмысленный, ненормальный* (психич.), *маниакальный; похмелье, анемия* и т. п.; б) лексика, ассоциированная по семе «аморальность»: *цинизм, подлость, бесстыдство; авантюрный, на все способный, преступный* и т. д. Это самая разработанная в газетах группа слов, формирующая идеографическую парадигму конфликт - насилие - гибель в составе текстов антибольшевистского направления.

Чтобы рассмотреть оппозицию АНТИНОРМА / НОРМА в структуре разных текстов, обратимся к фрагментам двух публикаций на тему местной жизни. Как увидим, соотношение двух основных парадигм сохраняется неизменным, подтверждая их общую причастность к проблемно-критическому дискурсу ЭГ и к фундаментальному логико-психологическому отношению «знание - мнение».

6. Ни для кого не секрет, что наша *старая* школа с ее трех-, а иногда и четырехмесячными каникулами жила *далеко не нормальной* жизнью: «*выматывая*» за зиму *все силы* детского организма *сухой* учебой, *старая* школа «*проматывала*», выражаясь образно, во время *бесконечных* каникул на лето, *почти наполовину все то, что дорогой* ценой было приобретено зимой (Труд, Харбин, 1918, 10 апреля).

Референциальная идеографическая парадигма представлена в тексте в виде соотношения **конфликт - насилие - болезненность (нездоровье)**. Семантика конфликта связана с борьбой старого / нового и скрыто возникает в усиленной актуализации сем, связанных с образом старой (т. е. устаревшей) школы. В текст заложен такой сценарий, в котором школа проявляет качества насильника по отношению к детям - жертвам болезненного «вампиризма».

Образная природа речи приводит к синтетизму смыслового выражения. Модус неприятия выражен рационально-оценочным повтором *старая* и эмоционально - в подтексте образного противопоставления. Модус сострадания и модус обвинения также выражены как в подтексте, так и косвенно: в «страдательном» опредмечивании жертвы и количественными противопоставлениями (квантитативной семантикой отрицания): «*выматывая* за зиму *все силы* детского организма..., «*проматывала*» во время *бесконечных каникул* за лето *почти наполовину все то, что дорого:*» (т. е.

высокой) ценой было приобретено зимой.

7. Другой фрагмент на тему местной жизни относится к описанию работы парламента:

(1) Во время одной из очередных *бурных сцен* в парламенте, когда депутаты, *изрыгая ругательства, угрожали друг другу кулаками*, председатель палаты г. Земфиреску *грозил закрыть* заседание и сделал знаменательное заключение: «*Это - не парламент*».

(2) Председатель палаты достаточно компетентен в ее оценке и надо признаться, что, пожалуй, *никогда не был так близок к истине*, как при произнесении своего *горького определения*.

(3) Но оно приобретает *поистине трагическое значение*.

(4) *Девять месяцев работы - и ни один законопроект не принят*. Были многословные и длительные разговоры о перенесении каких-то памятников - *и не было*, кажется, дня, обошедшегося без дразг и руготни.

(5) И на этом фоне разыгрывается *невиданная* транспортная *разруха*, проделываются продовольственные кунштюки г. Атанасиу.

(6) *В чем дело? Кто виноват?*

(7) Виновато и большинство палаты, *не проявляющее должной здоровой инициативы*, - виновата тем более оппозиционная федерация, *творящая критику - критики ради*, потому, что ей упорно не удается *вкусить славякого яда власти* (Новое слово, Кишинев, 1921, 2 марта).

Литературно-образная манера письма обусловила беллетризованный способ существования референциальной парадигмы в тексте, а значит, и синтетизм ее выражения. Отрицание как отклонение от нормы и неприятие этого отклонения воплощено в форму сценария **конфликт - угроза насилия - трагедия разрушения**. В 1-м абзаце референциальная парадигма «упакована» в форму иронической стилизации. Совокупная семантика составляющих ее смыслов выражена посредством а) контраста словосочетаний, нормативно недопустимых в речи, когда речь идет о работе парламента; б) логическим отрицанием идентификации «*Это - не парламент*». Так семантико-речевая оппозиция АНТИНОРМА / НОРМА актуализируется и на уровне структуры формы - формально-стилистической оппозицией (худож.-образное / офиц.-деловое), и на уровне структуры идеи - понятийно-логической оппозицией

(парламент / не парламент).

Модус сострадания выражен во 2-ой и 3-й абзацных фразах градацией атрибутивных форм оценки: *горькое определение, поистине трагическое значение*. Они усиливают напряжение в передаче конфликтной ситуации. Референциальная семантика антинормы также нарастает. В 4-м абзаце она разворачивается в форме речевой антитезы, построенной на отрицании: оппозиция были / не было. В 5-м абзаце разворачивание референциальной парадигмы достигает логического конца: появляется мотив гибели в слове *разруха*.

Модус обвинения эксплицирован в вопросно-ответном единстве. Здесь же (абз.7) появляется мотив нормы, но лишь для того, чтобы подчеркнуть семантику антинормы: *не проявляет должной здоровой инициативы, творит критику - ради критики*. В заключительных строках обвинения ироническое неприятие достигает полноты сарказма: «не удастся вкусить сладкого яда власти».

Подведем итоги описания на уровне политического дискурса газеты. Изучение структуры содержания текстов ЭГ помогает представить совокупность знаний и мнений в разных эмигрантских текстах не только в их различиях, но и в виде общих моделей интерпретации действительности. Языковое поведение ИС газеты направляется понятийным полем ценностных установок, входящих в культурный канон. В газетных текстах эпохи кризиса выявляются общие познавательные-ценностные парадигмы речевой семантики, которые можно представить в виде следующих ментальных соотношений знания и мнения: *конфликт - насилие - гибель (болезнь); неприятие - сострадание - обвинение*. Выделенные идеографические парадигмы связаны со стереотипами сознания, близкими эмигрантскому русскому читателю с его особой ментальностью (жалость и сострадание к жертвам насилия, осуждение насильников и другие христианские ценности).

Важным обстоятельством в формировании особого состояния сознания воспринимающих текст является унаследованная ими социально-культурная парадигма оценочных представлений о действительности. Можно предположить, что в поле такой идеологически согласованной коммуникации, как эмигрантская газета, существовало некое единство социально-психологического

поля группы, в котором сознательно или бессознательно находился читатель. В этом коммуникативном пространстве легко обеспечивался выход смысла к обобщенным ментальным представлениям, которые направляются концептуальными структурами особого идеологического языка с его стереотипами знания и мнения.

Литература:

1. Дмитровская М. А. Знание и мнение: образ мира, образ человека / Логический анализ языка. - М., 2003.
2. Логический анализ языка. Избранное. 1988-1995. - М., 2003.
3. Данилевская Н. В. Роль оценки в механизме развертывания научного текста. - Пермь, 2005.
4. Лурия А. Р. Язык и сознание. - М., 1979.
5. Леонтьев А. А. Язык и разум человека. - М., 1965.
6. Жинкин Н. И. Речь как проводник информации. - М., 1982.
7. Петров В. В. Язык и искусственный интеллект: рубежи 90-х годов // Язык и интеллект. - М., 1995.
8. Хайдеггер М. Время и бытие. - М., 1993.
9. Залевская А. А. Информационный тезаурус человека как база речемыслительной деятельности / Исследование речевого мышления в психолингвистике. - М., 1985.
10. Краткий словарь когнитивных терминов. - М., 1997.
11. Матурана У. Биология познания // Язык и интеллект. - М., 1995.
12. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии: В 2-х т. Т. 2. - М., 1989.
13. Ивин А. А. Теория аргументации. - М., 2000.
14. Выготский Л. С. Мышление и речь: В 6 т. Т. 2. - М., 1982.
15. Эпштейн М. Н. Идеология и язык // Вопросы языкознания. 1991. № 6.
16. Седых А. П. Языковое поведение, конвенциональная семантика и национальные архетипы // Филологич. науки. 2004. № 3.
17. Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смех в Древней Руси. - Л., 1984.
18. Колесов В. В. «Жизнь происходит от слова...». - СПб., 1999.
19. Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. - М., 1994.